

Евгений Шестов

**Звучащее
слово**

повесть

Евгений Шестов

Звучащее слово. Повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40276716

ISBN 9785449617491

Аннотация

Работа над новой литературной программой совпадает с возникшими трудностями в личной жизни. Как герою удастся решить эти проблемы, и сумеет ли он пробиться в профессиональное сообщество артистов-чтецов, покажет время. Некоторые ответы есть в этой книге.

Звучащее слово

Повесть

Евгений Шестов

*Нам не дано предугадать,
Как наше слово отзовется...*

Ф. Тютчев.

*...открытие
всегда происходит единственным путем:
человек прислушивается к себе
и слышит тихий взрыв.
Михаил Анчаров «Самшитовый лес».*

© Евгений Шестов, 2019

ISBN 978-5-4496-1749-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Он лежал в постели и вспоминал весь прожитый сегодня день. Начинался день до безобразия банально, со звонка будильника. Он проснулся, быстро откинул одеяло, лихорадочно нащупал в темноте кнопку, чтобы отключить этот чертов звонок, и тут же ощутил свежесть ночного воздуха. Нащупать ногами тапочки в темноте получилось не сразу, по-

этому к моменту, когда он вошел в ванну, ноги успели замерзнуть. Вода из крана лилась на руки и голову тоже холодная и неприятная, но бодрящая. Поэтому из ванной он вышел уже готовым к восприятию информации. С этого день начинался, и было это в половине седьмого утра.

А теперь на светящемся циферблате часов уже значился третий час ночи, и никак этот день не хотел заканчиваться. Это была не бессонница. Он легко мог уснуть, но не давал себе это сделать. Он изнурял себя пустым бессмысленным сидением в кресле либо за столом у компьютера, не делая ничего, что было бы полезно и необходимо. Он не задавал себе вопрос, почему я не сплю, и не пытался найти нужный, единственно верный ответ. Все события прошедшего дня наплывали на него каким-то туманом, и уходили туда же в туман.

Денис встал. Сквозь плотную занавеску в комнату все-таки проникал слабый свет от стройки. Десять лет возле его окон что-то строили. Но что, он до конца понять так и не мог. Не мог этого сделать ни один житель дома. Потому что этот долгострой несколько раз уже менял хозяев, менял свое назначение. Сначала это был детский сад, потом детский комбинат, потом детская поликлиника, потом разговор пошел об открытии казино, но его сразу же пресекли сердобольные старушки, которым уж очень не хотелось иметь возле школы еще и казино. На сегодня стройка опять была заморожена. Иногда на ней ночами горели огни, но так несмело

и робко, что было очень конкретно понятно, что это недостроенное здание будет владеть свое теперешнее состояние еще не один год. Хотя при чем тут это здание? Денис не думал. Так, мысль пришла, и так же благополучно ушла. На ум пришли почему-то глаза Галки, молодой сотрудницы, которая смотрела на него дико и удивленно, когда он выскочил из кабинета шефа на одной ножке, продолжая выкрикивать оскорбительные слова в адрес шефа. А потом он споткнулся и чуть не упал на эту самую Галку. И как же мило она ему улыбнулась, дура. Что она понимает? При чем тут... Кстати, эту Галку можно... Да нет, слишком молода, зелена и неспела. Что с нее взять? Слезы, да и то крокодильи. Она ведь чья-то протеже. Надо с этой протеже поговорить. Поработать.

По подоконнику стучали капли дождя. Они сеяли не сплошным потоком, а отдельно, как будто раздумывая, стоит капать или подождать.

Внезапно голова прояснилась. Лишние мысли ушли, истаяли, пропали бесследно. Осталась одна, рабочая. Она приходила уже не раз. И каждый раз обрастала новыми подробностями. Теперь подумалось: рассказов в программе должно быть шесть. Три в одном отделении, и три в другом. Надо взять две новеллы про матерей, две про отцов и две про детей. И простроить композицию. Но вот как, Денис пока не придумал. И назвать эту программу можно будет «Дорогие сердцу люди». Горький – хороший автор, благодарный материал, хотя и не освоенный еще лично им, Денисом.

Сколько его читали? И ставили. А вот, поди ж ты, притягивает. Говорить ли кому об этой новой задумке, Денис не знал. Да и, наверное, не хотел. Пусть отлежится материал, нарастет необходимое мясо, появится каркас, основа, он начнет уже учить текст, вот тогда можно будет с кем-нибудь посоветоваться, кому-нибудь рассказать, попросить совета. Сейчас не время. Молчи пока, оборвал себя Денис.

Идею сделать новеллу о матери он вычитал, можно сказать, вычислил в книге Журавлева. Там Дмитрий Николаевич рассказывал об одной работе над этой новеллой Горького. Подумалось тогда: можно к восьмому марта сделать концертный номер. Но когда начал читать текст, обнаружил, что новелла очень большая и слишком серьезная для праздничного концерта. Но странное дело. Книга не отпускала. «Сказки об Италии» манили и будоражили. Стал читать подробнее, уже вдумчиво. Сколько потом он прочел и об этой книге и о том, как русские чтецы работали над разными новеллами Горького. Оказалось, что у автора две новеллы о матерях. И настолько они разные и захватывающие, что захотелось сделать обе. А потом возникли и отцы. И дети. И вот сегодня его переклинило. Что-то щелкнуло внутри. Зажегся какой-то необъяснимый внутренний огонек, и название программы само без лишних усилий со стороны или от него, Дениса, просто материализовалось из ниоткуда. Сложилось как мозаика из разрозненных кусочков, обрывков мыслей, недосмотренных снов. Книга ожила внутри, задышала, ста-

ла полнокровной и требовала теперь приложения усилий и конструктивных решений. С этой новой мыслью он должен был сблизиться настолько, чтобы она не вызывала сомнений и стала для него родной. Сама программа должна стать родной, как когда-то это произошло с «Кюхлей» Тынянова. Теперь он читал эту старую, но проверенную временем программу уже более пятнадцати лет. И мог не повторять ее, потому что она засела в нем очень глубоко, в подсознание. Иногда текст снился, картины возникали киношные, поток видений сменял один кадр за другим, и в центре был его герой, Кюхля. Вильгельм Карлович Кюхельбекер, лицейский друг Пушкина, судьбе которого Тынянов посвятил свой роман. Кюхля был живой. Не написанный кем-то и забытый после первого прочтения. Не срисованный с натуры, а живой. Года через два-три работы над этой программой Денис стал понимать, что он мыслит и чувствует как Кюхля. Он идентифицировал себя с героем романа. Это согревало, давало чувство сопричастности с кем-то, кто далеко, но дышит одним воздухом с тобой, ощущает то же тепло или холод, видит твоими глазами Петербург, Вильно, Варшаву, сибирское захолустье, последнее место ссылки. И вот теперь то же чувство близости тянуло к этим еще далеким, но каким-то почти родным героям итальянской провинции, нарисованной Горьким. Что-то было в них притягательное, когда хочется уснуть с книгой под подушкой и увидеть своих героев во сне, поговорить с ними, дать им совет, как поступить, предупредить.

дить о грозящей опасности, протянуть руку, позвать героя. Но тут же возникает ощущение, что изменить ничего невозможно, все уже давно кем-то предопределено, расписано как по нотам. И ты не можешь не только что-либо изменить в их истории, в их судьбе, но даже прикоснуться к этим героям без разрешения автора ты не в праве. Но как спросить разрешения у автора, которого уже восемьдесят лет нет в живых? Если ты творческая личность, и в тебе есть желание и дерзость изобрести что-то новое со старым материалом, ты можешь в этой ситуации попробовать оживить героев, вдохнуть в них часть своей души, дать им свой голос, наполнить их выписанные автором натуры своими чувствами и пустить героев в новое, еще неизведанное тобою море, называемое литературным концертом.

Денис поймал себя на мысли, что уже полчаса стоит у окна, слушая дождь, прикладывая к холодному стеклу разгоряченные ладони. Мысли гуляли теперь где-то совсем далеко и неопределенно.

А утром опять как и вчера в половине седьмого будет трель будильника, прыжок из сонного небытия в небытие реальной жизни. И снова по кругу, по тем же самым протоптанным дорожкам среди невиданных полулюдей-полузверей как во сне Татьяны покатится его брэнная никому ненужная бессмысленная жизнь, которую он так любит. Любит, но не может определиться, чего же ему все-таки недостает, для чего он все время чего-то хочет. Здесь надо сразу оговорить-

ся, что он автоматически исключал из этого списка мысли самые примитивные, типа поспать, пожрать, сходить в интересное место. Это понятно всем, даже самому последнему дебилу. Нет, он имел ввиду другие мысли и желания. Ему было непонятно, например, почему он сейчас в этой комнате у родителей, а не под боком у законной супруги Леры. Нет, конечно, он помнил, что они поругались, что она накричала на него и тут же, спохватившись, пыталась его остановить, но он героически, по-дурацки вырвался из ее рук, хлопнул дверью чуть ли не по носу благоверной. А ночью, среди неполной темноты, в сумраке занавешенной комнаты придумывал слова, которые он скажет, и причины, которые позволили бы ему вернуться, и при этом не пострадало бы его мужское самолюбие. Но ничего не придумывалось. Все слова были малозначащими и не приносящими результата. Все причины – глупыми и надуманными.

Подъем-прыжок с кровати, утренний ритуал умывания, приглаживание вихров на лысеющей голове. Что-то его беспокоило, он пытался вспомнить и не мог, что же он должен сегодня сделать. Что? Сегодня ведь какой-то важный день. Для чего? Кому он должен? Долго сидел за столом, цедил по капле горячий кофе. Бутерброд есть не стал, лишь надкусил. Потом тщательно проверил, перед тем как надеть, всю свою одежду: рубашку, галстук, костюм. Не торопясь, оделся, разгладил китайский галстук, прикрепил его закол-

кой к рубашке. Полуботинки аккуратно сложил в сумку, завернув каждый в отдельный пакет. В прихожей перед зеркалом расчесал волосы, долго вглядывался в свое отражение, взлохматил прическу и вновь причесался. За спиной в зеркале возникла фигура отца. В одних трусах и майке тот прошел в туалет и вместо приветствия буркнул:

– В воскресенье мать должна приехать. Не забудь встретить.

– А ты что же?

– А я в воскресенье дежурю. График у меня! Понял?

– Да понял я, не ори.

Денис прошел в свою комнату, прикрыл дверь, присел на накрытую пледом постель, взял в руки текст. «Вот и поговорили», – подумал он. И тут же произнес вслух:

– Вильгельм кончил с отличием пансион.

– Будет тебе пансион. Полный, – где-то бормотал отец. – Французский легион. Аккордеон. Галеон.

Денис поднялся, выглянул из комнаты:

– Хватит, ложись спать. Рано еще.

– Поучи меня еще, сопляк.

«Что же я хотел сделать? – думал Денис. – Сегодня двенадцатое, в девять сорок концерт. Какой? Блин. Сегодня же Пушкин. Вот чучело. Надо было еще вчера повторить, посмотреть текст. Теперь вряд ли успею. Собственно повторять надо только „Египетские ночи“. А „Графа Нулина“ он помнит. Хотя тоже пройти в памяти будет не лишним. Стихи

проще. Их только два. И тоже заучены основательно».

Улица оглушила и в то же время освежила, заставила собраться с мыслями. Автобус подошел пустой. Денис сел на заднее сиденье и стал читать переписанный от руки текст повести Пушкина. Дорога до школы занимала минут сорок. За это время можно было повторить все три теоремы Пифагора с доказательствами и научными разработками профессуры МГУ.

*Чертог сиял. Гремели хором
Певцы под звуки флейт и лир.
Царица голосом и взором
Свой пышный оживляла пир.*

И тут же почему-то возникло:

*Пора! Пора! рога трубят;
Псаря в охотничьих уборах
Чем свет уж на конях сидят,
Борзые прыгают на сворах.*

«Вот бы мне сейчас туда к ним, на этот луг с сочной травой, под эти громкие звуки рожка, в собачий лай, конский топот, улюлюканье егерей.

Но что же я все-таки хотел сделать?»

Солнце слепило, и от бессонницы болели глаза.

Позвонила Лера. Он не ответил. Гудок несколько раз по-

вторился, потом смолк. Потом опять зазвенел.

– Я не могу сейчас говорить. Я позвоню тебе. Чао! – И отключился.

Перед глазами мелькал образ импровизатора, которого в фильме играл Юрский. Черноволосый, кудрявый, с большим подбородком и нервным голосом. Но как он читал этот знаменитейший монолог о Клеопатре! Эту импровизацию. Денис помнил рассказы о том актере из дзержинской драмы, который умудрялся импровизировать по ходу пьесы да еще в стихах, когда играли Шекспира. Правда, поводом для импровизаций становились провалы в памяти, обычный человеческий склероз, забытый текст автора. Но как он умел словесно изворачиваться, придумывать, сочинять, и в конце длинного периода вывести текст на нужную реплику для партнера.

Хорош был Юрский! Мастер!

А каким будет сегодня он? Что-то он сегодня забыл...

Чертог сиял. Гремели хором...

Надо сегодня зайти в оптику, купить линзы. Глаза уже никуда не годятся. Ничего не видно. Все сливается. Лера кстати вчера предлагала какие-то очки. Денис отказался. Не взял. От нее не взял.

Чарский был одним из жителей Петербурга...

Дорога после дождя была сырая, автобус на поворотах за-

носило, поэтому крики женщин и хмурые лица мужчин забавляли водителя, и он ехал себе не спеша. А город спал и не хотел просыпаться. Из-за пятиэтажных домов несмело показалось солнце. Тени стали более резкими и короткими, как при двустопном ямбе. Девушка на остановке улыбнулась отъезжающему в автобусе Денису, и ему стало как-то даже спокойнее. Он снова посмотрел в текст, закрыл его и как Штирлиц задремал ровно на двадцать минут. Только у Штирлица эта привычка вырабатывалась годами в процессе длительных тренировок, а у Дениса получилось на третий или четвертый раз, после того как он проспал и проехал три лишних остановки, и ему пришлось сдавать экзамен в вузе после всех. А экзамен в тот раз принимал сам Импровизатор Юрский. Он гордо сидел на преподавательском месте, вертел в руках авторучку, синюю с белым, с красным колпачком. Слушал детский лепет студента Герасимчука о Пушкине и его романе «Евгений Онегин». А в петлице Импровизатора Юрского был приколот значок с российским триколором. И выражение лица импровизатора было глубоко печальное и задумчивое, потому что лепет студента Герасимчука становился все более невнятным и...

– Следующая остановка...

Денис проснулся, резким движением рук вверх-вниз протер несколько раз лицо, чтобы отогнать остатки сна, поправил кепку и пошел к выходу.

А у входа в школу его уже поджидал полузамерзший уче-

ник. Он живо открыл перед Денисом дверь в надежде самому быстрее пробраться внутрь и согреться. Мальчик не спросил Дениса, кто он и зачем идет в школу, он сразу провел его длинным коридором на второй этаж в кабинет учителя литературы, любезно раскрыв перед ним очередную дверь и тут же убежал. Денис же до прихода учителя остался в классе один. Две минуты в коридоре и классе стояла полная тишина, потом раздался тонкий перестук каблучков. Дверь открылась, и на пороге показалась молодая, но с хорошим умным взглядом женщина, достаточно миловидная и привлекательная, несмотря на строгий деловой костюм.

– Здравствуйте. Меня зовут Зоя Сергеевна.

– Здравствуйте. Вам очень идет бордовый цвет.

– Вы Денис Александрович? – легкий румянец лег на ее щеки.

– Да.

– Мне Вера Михайловна про вас сказала. Она сама, к сожалению, не сможет быть на концерте, поэтому попросила меня вам помочь, если надо. Что-то надо?

– Только зрителей, когда начнется концерт.

– Ну, детки-то будут. Они уже знают. Им только дай повод не учиться. – Она сделала короткую паузу. – Стол? Стул?

– Нет. Ничего не нужно. Спасибо. Сейчас я переоденусь, подготовлюсь, и можно будет пускать ребят в класс. Это все-таки их территория.

– Да. Хорошо. Тогда не буду вам мешать.

– Спасибо.

Денис снял пальто, положил его и кепку на последнюю парту, переобулся, достал текст программы, и хотя не было большой необходимости повторять, все же пробежал глазами несколько строк. Внутренний мандраж прошел. Сейчас его охватило состояние какого-то отупения, тяжесть навалилась на плечи, безумно захотелось спать. И даже в голове наступила какая-то пустота. Не было никакого текста, была одна мысль – быстрее свалить отсюда. Он прикрыл на минуту глаза, они продолжали болеть. Замер на мгновение, которое продлилось больше чем положено, и было прервано стуком двери. Девятиклассники входили в класс.

Неужели я уснул, подумал Денис. Вот еще не хватало. Опозоришься тут перед детьми, потом ни разу больше не пригласят. Он взглянул на ребят. Девочки заученно-вежливо здоровались, тихо продолжая разговаривать о своем. Мальчишки врывались в класс шумно, напористо, с криками, смехом. Но во всех присутствовала никому непонятная заинтересованность. Все хотели знать, хотя никто этого не говорил вслух, че за мужик? новый учитель? или опять будет воспитывать?

Денис пытался смотреть в текст программы, но его собственный внутренний импульс заставлял его наблюдать за этими неподготовленными зрителями. Они еще не знали (или знали?), с чем им предстоит столкнуться может быть первый раз в жизни. Даже если кто-то и слышал в этой жиз-

ни литературный концерт, то такую программу как у него, у Дениса, они точно не слышали. А потом каждый чтец делает свое дело по-своему. Это Денис знал не понаслышке. Много об этом читал, да и сам уже успел испытать на себе влияние чтеца, когда слушал чужое исполнение. Литературные произведения могли быть одни и те же. Но вот как их читать, как преподнести зрителю, как их трактовать по-своему, знал только один исполнитель и только для себя. Потому что диктовать какие-то условия и правила чтения другому неблагоприятное занятие. Конечно, есть в профессии чтеца общие правила, которыми он должен руководствоваться и обязательно хотя бы иметь представление, чтобы выйти на сцену перед зрителем. Но на то они и общие, чтобы в каждом конкретном случае проявлять свою индивидуальность.

– Вы нам будете что-то читать? – Девочка сидит сбоку, полуобернувшись к нему левым плечом. Она видит и понимает, что своим вопросом она привлекла внимание всех не столько к нему, сколько к себе самой. И ей это нравится. Все смотрят на него. Надо что-то сказать.

– Да. Произведения Пушкина. Знаете, кто это?

Улыбаются. Не доверяют. Конечно, они знают, кто такой этот надоевший всем Пушкин. Сколько можно. Но есть и несколько пар умных глаз. Они не смеются. Они смотрят и слушают внимательно. Они умеют слушать. А это на сегодня такая редкость – умение слушать. Каждый норовит что-то сказать, неважно что, но так, чтобы его услышали. А эти

слушают. Вот они-то ему и нужны. Им-то он и будет сегодня читать.

– Летчик. Ас Пушкин. – Ехидный смех.

– Этот анекдот я тоже слышал.

– А что вы будете читать?

– Сейчас начнется урок, и вы все узнаете.

Входит Зоя Сергеевна. Ученики нехотя поднимаются. Еще до звонка начинается урок. Для сегодняшней школы, для ее учеников это что-то сверхординарное, неслыханное. Заранее начинать урок, отнимать у них их свободное время! Воще! Так они думают. Но пока ничего не говорят, потому что в классе кроме учителя чужой человек. Взрослый. Непонятный. Станный. Пришел к ним с каким-то концертом. Но ничего не принес. Ни нот, ни книг, ни рисунков. Никаких учебников. Но они-то не из лохов. Они тоже умеют себя показать. Они достали и положили на парты (так это когда-то называлось, сейчас это просто столы) учебники, тетрадки, ручки и прочую необходимую для урока мелочь. Кто-то даже успел нацепить на нос очки. И теперь все стоят в ожидании.

– Все, затихаем, – говорит несколько скованно Зоя Сергеевна, – тихо! Ермилов! Ты слышал? Тихо!

– Да я тихо, – громко говорит Ермилов и улыбается как в рекламе зубной пасты.

Ожидаемый смех постепенно стихает, последний звук замирает, и наступает благословенная тишина.

– Здравствуйте, садитесь, – говорит Денис, командуя

классом как заправский учитель. Он ищет те самые глаза, которые видел до начала урока, умные, внимательные, требовательные. Где же они? Где спрятались? Кто-то же ведь показал их на перемене, и вот сейчас, когда это так необходимо, когда нужно умно начать свою речь не в пустую аудиторию, не стенам и потолку, а живому зрителю, он – этот живой зритель, почему-то спрятался.

– Сегодня для вас будут звучать произведения Александра Сергеевича Пушкина. Имя это вам очень хорошо знакомо. Но сегодня вам предстоит познакомиться с произведениями, которые редко звучат в классе, потому что они не входят в школьную программу. И начну я сегодня свой концерт со стихотворения, которое Александр Сергеевич посвятил своему другу Пущину. В 1826 году Пушкин узнал о суде над декабристами, о том, что два его лицейских друга, Пущин и Кюхельбекер сосланы в Сибирь. Пушкин пишет стихотворение, в котором вспоминает последний приезд в Михайловское Пущина в ноябре 1825 года.

Мой первый друг, мой друг бесценный...

И я судьбу благословил,

Когда мой двор уединенный,

Печальным снегом занесенный,

Твой колокольчик огласил.

Денис читал стихотворение и видел, как разглаживались лица, готовые прыснуть со смеха. Они еще не понимали все-

го, что несли строчки этого короткого, но такого емкого стихотворения в их души. Они еще не ощущали такого магнетизма от звучания слова, которое было знакомо и в то же время очень необычно. Но это было только начало программы, начало концерта. Теперь предстояло развить этот маленький успех, суметь удержать это такое хрупкое внимание сегодняшних учеников-слушателей. Но где же тот самый внимательный зритель, который пришел сегодня не потому что его заставили прийти, а потому что было большое желание послушать чтение стихов Пушкина?

Вот девочка слушает хорошо, даже слишком хорошо, наверное, отличница, прилежно учится, неглупая, все успевает, общественница, но все же несколько холодная для такого жанра, как литературный концерт.

Вот мальчишка, гладко причесанный, но с кляксой на щеке; слушается ему трудно, непривычно, но что-то его зацепило. При слове «печальным снегом занесенный» он почему-то нахмурился, даже набычился, но, не желая выдавать свое состояние, повернулся с вызовом назад и дал подзатыльник своему соседу по парте.

*...Да озарит он заточенью
Лучом лицейских ясных дней.*

Стихотворение закончилось, и по классу пронесся легкий шорох. Нельзя было сейчас отпускать зрителей. Надо было

сохранить их внимание для следующего произведения, хотя бы для его начала. Поэтому Денис, не делая большую паузу, начал говорить снова:

– Это была последняя встреча двух лицейских друзей, Пушкина и Пущина, которому и посвящено это стихотворение. И состоялась эта последняя встреча в ноябре 1825 года в Михайловском. И там же в Михайловском, но уже 13 и 14 декабря... Однако не будем торопить события. Дадим слово автору. В 1830 году Пушкин записал в своем дневнике:

«В осень 1825 года находился я в деревне. Перечитывая «Лукрецию», довольно слабую поэму Шекспира, я подумал, что если б Лукреции пришла в голову мысль дать пощечину Тарквинию? быть может это охладило бы его предприимчивость и он со стыдом принужден был отступить? Лукреция б не зарезалась, Публикола не взбесился бы, Бурт не изгнал бы царей, и мир и история мира были бы не те.

Мысль пародировать историю и Шекспира представилась. Я не мог воспротивиться двойному искушению и в два утра написал эту повесть.

Я имею привычку на моих бумагах выставлять год и число. «Граф Нулин» писан 13 и 14 декабря. Бывают странные сближения».

Денис на секунду остановился посмотреть, поняли ли зрители, о каких сближениях идет речь. Он часто останавливался

ся в этом месте для проверки. Чаще зритель не понимал, и тогда Денис пояснял: «13 и 14 декабря готовилось и было совершено декабрьское вооруженное восстание». Некоторых декабристов Пушкин знал лично, среди декабристов были и два его лицейских друга. Но никто из декабристов никогда не посвящал Пушкина в дела и перспективы своей организации. Пушкин о многом догадывался, но точно ничего не знал.

И опять после короткой паузы:
– Пушкин. «Граф Нулин».

*Пора! Пора! рога трубят;
Псарь в охотничьих уборах
Чем свет уж на конях сидят,
Борзые прыгают на сворах.
Выходит барин на крыльцо...*

Чтение стихов, а тем более поэмы, неблагоприятное занятие. Мало кому это интересно. Чтобы достучаться до самого активного слушателя, надо приложить немало усилий. И не факт, что эти усилия будут правильно восприняты слушателями. Чаще оказывается наоборот. Как говорится, благими намерениями...

Денис читал поэму и видел, как расширяются порой, по ходу его чтения зрачки у некрасивой девочки – брюнетки слева, она старательно вслушивается в текст, но видимо не до конца понимает и от этого еще больше напрягается.

Вот маленький мальчик, достигший возраста 15 лет, но так и недоразвившийся физически, оттопыривает подбородок, как бы поправляя несуществующий галстук, но никак не может его найти.

Другой малец у окна вымахал под метр девяносто, но ума набрать не успел и теперь отсиживает свой срок на уроке литературы, мечтая только об одной затяжке табачку, да покрепче. Пустые глаза, пустые мозги, да и все остальное похоже такое же пустое как мозги. Этого может заинтересовать, пожалуй, только середина поэмы, почти постельная сцена, когда Нулин крадется в спальню к хозяйке. Ему подавай только сальные подробности, чтобы можно было потом перекинуться во дворе парой слов со своими корешами, обсосать их по полной программе, вывернуть наизнанку весь смысл поэмы, оставив только то, что его интересует. Другие стихи или прозу он даже и не вспомнит. А ведь как хорошо написано, как красиво, живо, трепетно. Сколько легкости, едва ощутимой иронии! Но этого монстра в обличие человека расшевелить невозможно. А ведь это твоя задача, расшевелить вот этого самого монстра, иначе, какой же ты чтец, артист, если не можешь справиться с каким-то недоделанным уродцем из клана зрителей. Где же вы, глаза внимательные и умные? Куда вы спрятались? Почему же в этой жизни все наоборот, все доброе, светлое прячется очень глубоко, а монстры оказываются на поверхности, как то самое вонючее водоплавающее. Стоп! Денис мысленно остановил

себя. Не раздражайся! Чего ты переполошился? Волнуешься? Боишься? Сколько раз читана-перечитана эта программа. И в школах и в техникумах. Давно опробована. Он не виноват, что ему неинтересно. Его так воспитали. Ему ничего никогда не говорили о красоте слова. Да его может быть и не будет никогда интересовать эта литература. Она может быть не для него. Успокойся. Уже скоро финал поэмы. А там будет стихотворение, которое ты прекрасно знаешь и прекрасно читаешь. А уже потом будет та злополучная повесть, которая так долго тебе не давалась, и сейчас каждый раз доставляет столько неприятных ощущений. Да, причина именно в этом, в ней, в этой повести. Но нельзя поддаваться панике. Прямо как в том анекдоте. Ничто не создает панику так сильно как плакат: «Только без паники!» Но там хорош последний стихотворный отрывок, сама импровизация: «Чертог сиял...» Какие слова! Зачем звонила Лера? Опять какие-то посторонние вопросы! Думай о программе! Не отвлекайся.

Настроение окончательно испортилось. Как он доработал программу, он не помнил точно. Как-то доработал. Только на улице, когда его обдуло немного ветром, он начал приходить в себя. Элегию ты отчитал сносно. В повести, конечно, налажал, ну ладно, терпимо. Давно не читал, повторить не успел, перенервничал. Да еще Лера звонила. Кстати, Лера. Чего она хотела? Он достал мобильник, набрал номер.

– Привет.

– Ну, как все прошло?

– На букву «х», не подумай, что хорошо.

– Что, совсем так плохо?

– Ладно, не копай, не копай. Ты где?

– Я сейчас в «Республике». Тебе какой йогурт взять, черничный или вишню?

– Лучше персиковый.

– Здесь нет персикового. А, нет. Есть абрикосовый. Будешь?

– Хорошо.

– Ты во сколько придешь?

– Часов в восемь. Пока.

– А можно...

– Ну, что опять?

– Ну, ты же заработал сегодня?

– Говори уже... Опять «Синий бархат»? Сладостен! Ладно, покупай. Целую.

Денис двигался теперь не торопясь. На работу можно не спешить. Шеф сегодня уехал в командировку. Вместо него Ирина Борисовна. Она своя в доску! Фу, откуда такие пошлости! От кого нахватался? Надо продышаться. Проветрить мозги. Мозги, мозги... Достал же меня сегодня этот мальчишка. Не только на концерте, но и после. Ему, видите ли, понравилось. И ведь подошел уже на крыльце, как раз в тот момент, когда Денис был меньше всего готов к какому либо разговору. Что же он такое спросил? Читаю ли я «Кав-

казского пленника» Толстого. И когда Денис ответил, что нет, юноша спросил вновь: «А Хаджи-Мурата»? «Интересуешься Толстым»? Ответил, что да, интересуется. И ушел. Станный парень. Одни вопросы и никаких ответов.

Кутаясь в меховой воротник дубленки, Денис прошел двести метров до ближайшего кафе, заказал кофе с коньяком и песочное пирожное. Здесь в тишине, без суеты можно было проанализировать прошедший концерт, разложить по полочкам все ошибки и удачные моменты. Кафе было в цокольном этаже и называлось «Арома». Для каждого столика разгорожены были отдельные деревянные кабинки, в отдалении виднелись полки с книгами и периодикой. Можно было при желании что-то взять почитать, пока сидишь в ожидании обеда или просто провести приятно вечер, никому не мешая. Было уютно и сравнительно недорого. Он очень любил сюда приходить с двумя-тремя друзьями после лекций, обсуждать просмотренный вместе фильм или спектакль, прочитанную книгу. Сейчас он взял с полки «Литературку», и машинально ее просматривая, наткнулся на статью о Владимире Орлове, его 70-летнем юбилее и романе «Альтист Данилов». Статья была довольно подробная, биографическая и натолкнула Дениса на мысли, которые раньше не приходили ему в голову. Интересуясь всю жизнь классической русской или зарубежной литературой, он читал современную постольку-поскольку. И не задавался вопросами и стремлением ее узнать. Теперь же он ощутил какой-то интеллектуальный голод, жела-

ние познать то, от чего долгое время по доброй воле оставался в стороне. Как случилось, что он никогда не только не читал роман «Альтист Данилов», но даже имени Владимира Орлова не слышал? Привлекли его теперь даже просто названия его произведений, такие, например, как «Камергерский переулок». Что это за фантастический нефантаст, который опирается на русский фольклор, и пишет о человеке-демоне Данилове? Там в статье назывались еще несколько произведений других авторов, которые были напечатаны в том же номере журнала, где был впервые опубликован «Альтист». Денис понял, что с этих перечисленных романов он начнет для себя освоение современной литературы, пусть и с некоторым опозданием на всего каких-нибудь тридцать лет. Не надеясь найти что-то из названных в статье книг, он подошел к полке и взгляделся в названия стоящих на полке изданий.

Книги были разные по тематике и интересам, но подобранные со вкусом, со знанием предмета. Кто же их подбирал? И для кого? Денис заметил, что в последнее время он стал задаваться вопросами, которые не имели быстрых непосредственных ответов здесь и сейчас. Поэмы Пушкина, Повести Льва Николаевича Толстого. Или сборник стихов Рильке. Совсем загадочный и закрытый автор. Вот, например, сборник «Проза новой России», первый том. Несколько авторов, начиная с первой буквы алфавита: Аксенов, Астафьев, Бакланов и т. д. Денис открыл оглавление. Названия ничего

не проясняли. Все было новым и читателю Денису неведомым. Надо было начать читать. Он открыл первое, что открылось, долистал до начала рассказа. Им оказался рассказ Бакланова «В месте светлом, в месте злачном, в месте покойном». Захватило сразу, с первой страницы. Захотелось сделать после третьей, еще не дочитав до конца. Герои, а их как минимум двое, мужчина и женщина. И не любовная история. Точнее не она в центре внимания. А загадочный герой, о котором думает женщина. Но мучил вопрос: кто должен читать это произведение со сцены, мужчина или женщина? Рассказ как бы от лица женщины. (Рассказ ведется от третьего лица, передаются мысли и поступки этой женщины, авторского «я» там нет. Поэтому и «как бы» от лица женщины.) Но все ее внимание обращено на мужчину, который ничего не объясняет, мало говорит, но по-настоящему, по-мужски действует. И она погружается в эту любовь с головой. Если взяться самому сделать этот рассказ, то возникает следующий вопрос, а для кого и где читать это произведение? Просто так освоить текст, выучить его и благополучно бросить не хотелось. А найти зрителя на такой материал достаточно сложно. Да и времени на это может уйти очень много. Если же дать идею женщине, то какой? В окружении Дениса на сегодня не было исполнительницы, которая смогла бы взять этот материал.

Денис услышал громкие голоса входящих в кафе и спорящих на ходу людей. Он присел за свой столик. Его кофе дав-

но остыл, но Денис сделал глоток и посмотрел в сторону входа. Девушка лет двадцати с хрупкими чертами лица, в черном кожаном плаще со светло-коричневым шарфом и в такой же беретке, держала под руку молодого человека, который тут же, как вошли, пропустил ее вперед и следовал теперь за ней. Он был высокого роста. Крупные руки его резко контрастировали с тонкими руками девушки. Казалось, он был только что вылеплен и еще не оформлен. Лицо его было мясистым и никак не вязалось с изящной фигурой девушки. Они сели за угловой столик. Парень заказал кофе для девушки и пива для себя. Она что-то категорически возразила, но он не слушал ее, что-то или кого-то искал глазами в зале кафе. Наконец, принесли их заказ. Девушка сняла перчатки, в которых была до сих пор, и бросила их в лицо кавалеру. Тот лишь отмахнулся от нее, отпил немного пива, позвал официантку. Выслушав клиента, официантка подошла к полке с книгами, выбрала какой-то том, подала девушке и ушла.

Денис искоса поглядывал на парочку, которая за короткое время сумела завладеть его вниманием. Неожиданно Денис подумал, какие они разные эти пары, герои рассказа Бакланова и эта совершенно ошеломляющая своим несоответствием пара посетителей. Его интересовал вопрос, что за книгу велел подать парень, и почему именно эту книгу. Спрашивать официантку он не хотел, да и времени для сидения у него уже не осталось. Ему пора было отправляться. Но он впитывал глазами, запоминал этот короткий яркий

эпизод, случившийся здесь, откладывая его в свою копилку образов.

Такие образы могли пригодиться ему в работе над литературными произведениями. И он собирал их как писатель, что-то записывая, что-то фотографируя. Вчера, например, он видел низкорослую старушку, в старом истертом пальто, сапогах «прощай молодость» и махеровой косынке, которая, подходя к остановке, разговаривала по мобильному телефону. Или парень в троллейбусе, долго объясняющий кондуктору, куда ему надо проехать и выясняющий, доедет ли он до нужного места. Или мужчина, требовательно зовущий в минимаркете продавщицу словами: «Быстрее подойдите», и нарочито медленно объясняющий, каких и сколько конфет ему надо. Денис запоминал эти картинки, пытаюсь представить себе, кто эти люди, чем они живут, почему они такие скандальные или наоборот, почему они такие забитые, что не могут объяснить самого элементарного, для себя необходимого. У каждого была своя жизнь, свои обстоятельства, накладывающие отпечаток на поведение человека. И чаще всего человек действовал бессознательно, оказываясь в плену собственных заблуждений или пороков. И становился требовательным к другим, не замечая за собой каких-то просчетов и недостатков.

Уже выйдя из кафе, Денис вспомнил собственное намерение проанализировать состоявшийся совсем недавно концерт, которое он не исполнил, и усмехнулся своей рассеян-

ности и забывчивости. Коньяк в крови еще подогревал, и казалось, что ветер стал не таким холодным как утром. А снега все не было. Лысая земля под ногами блестела льдом и торопила путников к теплу жилого помещения. Работа звала в свои объятия, но идти туда не хотелось. Хотелось плюхнуться сейчас в ванну, закрыть глаза хотя бы на полчаса и ни о чем не думать.

Он вернулся на работу. Сидел у компа, пялился в надоевший экран, уже ничего не понимая в потоке цифр, графиков и диаграмм. В середине дня позвонила Алиса, его принцесса, томно вздохнула, мурлыкнула что-то неразборчиво, спросила, может ли он сегодня прийти к ней, обрадовалась, когда он обещал и назвал время, и отключилась. Этот звонок его вздернул, добавил огня в крови. Он сразу вспомнил романс на стихи Пушкина «В крови горит огонь желанья...» Романс исключительный, красивый по мелодии и по смыслу, по напору страсти, по желанию обладания. И вместе с романсом вспоминал ее слова, их было не много, ее интонации, удивлялся сам себе, что краснеет при мысли о близости с этой... юной особой. Он пытался подобрать эпитет, чтобы хоть как-то ее назвать (девушка? девочка? крошка? звучит несколько плоско), но ничего не приходило на ум кроме ее имени Алиса. И еще прозвища, которое он дал ей в первую их встречу – Лиса. А-лиса. Лиса Алиса. Он недолго думал, как он будет называть ее сокращенным именем. Само пришло. Без напряжения. Лиса, причем с ударением на первом сло-

ге. Так он ее и звал теперь. Уже полтора года как звал. Конечно, он называл ее и котенком и солнышком, и подбирал еще много красивых ласковых эпитетов. И она не отказывалась. Откликалась с удовольствием. Ей это нравилось. Вот и сейчас она будет ждать его, пока он закончит работу, пока доедет до нее и, наконец-то, обнимет ее. А он не будет торопиться. Надышится вольным ветром перемен, продует легкие, и нырнет в пучину страсти. С разбега головой вниз. Как с обрыва.

Откуда в башке столько штампов?

Он позвонил в дверь, увидел, как она прислонилась к глазку, и только после этого открыла. Она была в его рубашке, из-под которой видны были ее голые ноги. Даже тапочки остались где-то в комнате на ковре. Он обнял ее правой рукой за плечи, а левую положил по-хозяйски на ее поясницу, и почувствовал, что на ней кроме его рубашки больше ничего нет.

– Ты не замерзнешь, котенок?

– Нет, я все приготовила и сидела под пледом. Ждала тебя.

Он попытался заглянуть в комнату.

– А поцеловать?! – она сморщила кривую рожицу.

Он чмокнул ее в теплую щеку, пощекотал усами ее нос, заглянул ей в глаза, ловя хитрые искорки страсти, и только после этого поцеловал в губы. Его рука сама стала перемещаться ниже поясницы, но тут она оттолкнулась от него острыми кулачками, вывернулась из его объятий.

– Не сейчас. Сначала ужин, а потом все остальное.

– Пстой, не убегай. Это тебе! – Он достал из рюкзака и протянул ей празднично завернутый подарок.

– Что там? Ой, что-то мягкое! Это заяц? Да?

– Догадливая!

– Ой, как здорово. Девчонки обзавидуются. Ну, давай, раздевайся, проходи. Мой руки и за стол!

– Ладно.

Пока она искала ножницы, разрешила упаковку и разворачивала подарок, он успел снять пальто, разуться и вошел в комнату в тот момент, когда она во все глаза разглядывала подарок. Посреди комнаты стоял накрытый на две персоны стол с двумя свечками, по центру его возвышалась ваза с фруктами, от которой веером расходились тарелки с закусками: нарезка колбасы двух видов, селедка под шубой, корнишоны с маслинами на одной маленькой тарелочке, соленая капуста с клюквой, свежий сладкий перец, желтый и красный, и помидора сорта черри с веточкой. Среди всего этого великолепия возвышались шампанское и бутылка водки.

– По какому случаю праздник? – спросил он невинным голосом.

– Хулиган, и он еще спрашивает! – она бросилась к нему в объятия. – Люблю, люблю, люблю.

– Я тоже тебя люблю, мое солнышко!

– Ты всех называешь солнышками?

– Нет. Только избранных.

– Знаешь, мне так хорошо с тобой. – Она прижалась щекой к его груди и на минуту замерла. Он гладил ее мягкие кудряшки, чувствовал их теплый аромат домашнего уюта. – Не хочу тебя отпускать. Так. Все. Проходи. Садись.

– Тебе водочки? Или все-таки начнем с шампанского?

– Конечно с шампанского. – Она села на диван и завернула ноги в плед. По правую руку у нее оказался приготовленный диплом, который она тут же протянула ему. – Вот.

– Теперь ты дипломированный специалист!

– Да. – Она гордо подняла голову, и вдруг широко улыбнулась. – И все благодаря одному очень хорошему человеку. Поцелуй меня.

– Моей заслуги тут нет. Ты сама захотела. Только ты и никто другой. – Он на минуту задумался, потом с горечью произнес: – Ведь можешь, когда хочешь.

Он налил себе водки, ей шампанского. Быстро, не чокаясь, выпили. Он сунул себе в рот соленый огурчик, ей дал дольку апельсина. Поцеловал ее, ощутив на секунду сладкий цитрусовый привкус апельсина. Она капризно отвернулась, показала ему язык, отражение которого было ему хорошо видно в зеркале трельяжа.

– Бур-бур-бур. – проворчала она, – медведь!

Он тут же широко улыбнулся, обхватил ее за плечи, сильно потряс и поцеловал в макушку.

– Ну, что ты меня как ребенка...

– А ты и есть мой ребенок.

– Что? Корецкого начитался? Там Лис звал свою любовницу ребенком.

– Не сердись. Лучше расскажи, как у тебя все прошло вчера.

– Что рассказывать? Защита была неделю назад. Диплом получила вчера. Выпили, закусили. Так на скорую руку. Не хочу говорить. Хочу слушать. Ты так красиво всегда говоришь. Я как кролик перед удавом сижу и тебя слушаю. Говорите, мистер, а я буду есть.

Она склонила голову и так вывернула подбородок, что он видел сейчас только ее профиль, хотя она и сидела к нему лицом. Потом слегка передернула плечами, как бы ежась от холода, закуталась поплотнее в плед и уставилась на него прямым, немигающим взглядом.

– Ну, – прошептала она после паузы, – говори.

И он начал рассказывать о сегодняшнем концерте, о том, как он читал, как его слушали. Пока он рассказывал, все время думал, стоит ей говорить о глазах? Может, ему почудилось, показалось, что эти глаза были где-то рядом? Но потом все-таки решился и спросил:

– У тебя не было никогда ощущения, что ты видишь какой-то внимательный взгляд, но не знаешь, где он, откуда исходит?

– Почему ты спрашиваешь?

– Я сегодня перед концертом спиной почувствовал чей-то

взгляд, он сверлил меня, буравил, как будто рентгеном меня просвечивал. А во время чтения не увидел этот взгляд, искал глаза, но они куда-то пропали, не захотели мне явиться.

– Красивые?

– Что красивые?

– Глаза красивые? Мужские или женские?

– А вот это я что-то даже не могу тебе сразу сказать. Интересно. Мужские или женские? Это... Это была ученица... или ученик. Странно. Не могу вспомнить.

– Плохо ты смотрел. В следующий раз надо смотреть очень четко. Своих поклонников надо знать в лицо, чтобы потом было на кого опереться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.